

**ФИЛОСОФИЯ ПРАВА В РОССИИ:
ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ.
Материалы третьих философских чтений
памяти акад. В.С. Нерсесянца / Отв. ред. В.Г. Графский.
М., 2009. 320 с.**

Краткая аннотация: дается оценка рецензируемого издания с точки зрения русской историко-философской традиции, выделяется значимость издания для развития современной философии права в России. На основе анализа статей сборника делается общий вывод о состоянии и перспективах интегральной юриспруденции, дискуссии о соотношении прав человека и государства в контексте либертарного правопонимания.

Annotation: the present issue's review evaluates its contents from the perspective of the Russian historical and philosophical tradition as a relevant contribution to development of the philosophy of law in Russia. It contains general conclusions drawn on the analysis of the articles, concerning the actual state and the perspectives of the integral jurisprudence, reflection upon correlation of human rights and state in the context of the libertarian interpretation of law.

Ключевые слова: философия права в России, история русской философии, права и свободы человека и гражданина, либертарная теория, интегральная юриспруденция.

Key words: philosophy of law in Russia, Russian philosophy history, human and citizen rights and liberties, libertarian law theory, integral jurisprudence.

Третьи философские чтения памяти акад. В.С. Нерсесянца, организованные Институтом государства и права РАН, ознаменованы выходом сборника статей участников, затрагивающего актуальные проблемы истории и современного состояния философии права в России. То, что заявленная тема дискуссий все еще мало обсуждается в научной литературе, признают и сами участники сборника, которым пришлось идти “не до конца проторенными путями”. Вместе с тем, профессиональный разговор об исторической традиции и современном состоянии философии права в России представляется весьма важным и своевременным.

Вопросы истории философии права в России с точки зрения выяснения ее особенностей и связи с общим развитием философского процесса остаются до конца не разработанными. Основные труды по истории русской философии В.В. Зеньковского, Н.О. Лосского, Г.Г. Шпета, А.Ф. Лосева, Э.Л. Радлова, Б.В. Яковенко почти не затрагивают философско-правовой составляющей комплекса идей русских мыслителей. Даже такая вполне развернутая и оригинальная философско-правовая концепция, как философия права Вл. Соловьева, практически не получила своей оценки в этих работах, хотя уже в начале XX столетия П.И. Новгородцев, а позднее его ученик А.С. Яценко отдавали должное обоснованию идеи права в философии всеединства. Глава “Юристы-философы” в “Истории русской философии” Н.О. Лосского вряд ли может спасти положение, поскольку она занимает всего две страницы и представляет собой по большей части краткий обзор воззрений П.И. Новгородцева и Е.В. Спекторского, а также ссылки на статьи Новгородцева, Гурвича и Ландау, опубликованные на немецком языке в журнале “Philosophie und Recht” в 1923 г.

Современные “истории” в этом смысле представляются более сбалансированными и уделяют в истории русской философской мысли правовым воззрениям подобающее место. Примечательно в этом смысле издание “Русская философия”. Энциклопедия / Под общ. ред. М.А. Маслина. М., 2007), где не только освещено творчество всех крупных фи-

гур русской философско-правовой мысли, но и составлена отдельная статья “Философия права” (автор – В.Н. Жуков), рисующая краткую историю философско-правовых учений в России. Фундаментальные работы по истории политических и правовых учений В.Г. Графского¹, учебник для вузов под ред. В.С. Нерсесянца², издание под ред. В.В. Лазарева³ также затрагивают русскую традицию философии права. Можно с уверенностью утверждать, что эти исследования значительно восполняют пробелы в исследовании истории философского процесса в России. Не является исключением и рассматриваемый сборник материалов, хотя присущая его авторам-юристам тактичность отдает приоритет в исследовании проблем своеобразия русской философии права российским философам.

Историософичность, синтетизм, антропологизм, если следовать В.В. Зеньковскому, являются ключевыми характеристиками русской мысли на протяжении всего ее существования. Особо звучит в ней тема исторической судьбы России или, как выражается Вл. Соловьев, Божьего замысла о России. Отзвуком этой методологической ориентации стал вопрос о своеобразии и специфических особенностях русской философии, о которых писали В.В. Зеньковский, Н.О. Лосский, Б.П. Вышеславцев, А.Ф. Лосев, С.Л. Франк, Н.А. Бердяев и многие другие. Естественным развитием этой тенденции стали вычленение своеобразных черт русской философии права и общая оценка истории развития философско-правовой мысли в России, предпринятая в свое время, например, П.И. Новгородцевым. Указанная проблематика дискутируется и на страницах рецензируемого сборника. Встроенность этой дискуссии в общий контекст изучения истории русской философско-правовой мысли очевидна уже

¹ См.: Графский В.Г. История политических и правовых учений. Учеб. М., 2009.

² См.: История политических и правовых учений. Учеб. для вузов / Под общ. ред. В.С. Нерсесянца. М., 1998.

³ См.: История политических и правовых учений / Под ред. В.В. Лазарева. М., 2008.

из названия статьи В.Г. Графского, открывающей сборник – “О своеобразии русской философии права”, навевающей естественные ассоциации с работой П.И. Новгородцева “О своеобразных элементах русской философии права”, хотя, конечно, существенно разнящейся с ней по содержанию. В известном смысле акцентирование внимания на проблеме самоидентификации и есть одна из существенных характеристик русской философии вообще и русской философии права, в частности, в каком бы методологическом диапазоне она ни рассматривалась. Контрапункт этой темы заявлен уже в названиях статей сборника: “Философия права в России” или “Русская философия права”. В пространстве между этими утверждениями и располагается большинство методологических установок исследователей русской философско-правовой мысли.

Первый раздел сборника “Философия права в истории и современности” посвящен проблемам истории философско-правовой мысли в России в его отношении к европейской философско-правовой и культурной традиции. Своеобразные черты русской философии права авторы сборника предлагают искать на разных культурных уровнях и срезах: в диалоге идей русских мыслителей с собственной исторической и духовной традицией и традицией европейской философской и правовой мысли (В.Г. Графский), в ментальном складе и складе мышления, которые обусловлены историческим и культурным контекстом (В.П. Малахов). В последнем случае обсуждение проблемы своеобразия русской философии права в рамках выделения специфики культурно-религиозных типов, типа ментальности, сформировавшихся в России и Европе, представляется весьма продуктивной. Указанная проблематика нашла свое отражение также в статьях Р.А. Ромашова, М.Н. Золотухиной, Л.Е. Лаптевой, Ю.П. Тена. Особый интерес представляет статья Е.В. Тимошиной “Права человека и нравственная ответственность в свете христианской антропологии”, в которой выдвигается и обосновывается тезис о дифференциации понимания прав и свобод человека в европейской и русской традиции в зависимости от богословского истолкования тринитарного догмата в католичестве и православии. Очевидно, что право, взращенное в недрах европейской цивилизации, так же как и выработанная ею политико-правовая модель государственного устройства, во многом стали результатом глубинных процессов в культуре и религиозном сознании. Основные идеи “общественного договора” Руссо восходят к трактатам отцов-иезуитов XIV–XVII вв. – противников идеологии божественного права королей. Основу либерального политического сознания со времен Локка питало убеждение в том, что человек принадлежит Богу и поэтому не может ни полностью отдать себя в распоряжение другому человеку, ни претендовать на полное господство над себе подобными. Именно на этом религиозно-ментальном уровне, собственно, доступно различие национальных типов правосознания. Такая блестящая характеристика двух культурно-религиозных типов – русского и европейского, дифференцированных в том числе именно по степени “юридизма”, дистанцирования и размерности человеческих взаимоотношений, как антитезы закона и милости была предпринята С.С. Аверинцевым⁴.

Второй раздел сборника “Своеобразие либертарной концепции прав человека” затрагивает вопросы интерпретации и истолкования прав и свобод человека в рамках либертарной концепции правопонимания. В открывающей раздел статье В.А. Четвернина “Либертарно-юридическая интерпретация

прав человека” предпринимается попытка четкого размежевания и противопоставления либертарной доктрины прав человека и так называемой потестарной (“позитивистской”) концепции. Последняя склонна признавать правом систему властных предписаний, направленных на социальную регуляцию, исходящих от власти, в то время как принципом регуляции с точки зрения либертарной доктрины является свобода. “Юридический либертаризм, – заключает автор статьи, – определяет право как необходимую форму свободы (равенство в свободе, или формальное равенство) и в таком качестве объясняет его специфический, неуниверсальный соционормативный регулятор” (с. 175). Права человека в этой системе координат неизменно превалируют над интересами государства. Они “в сущности и в их генезисе... безусловные притязания индивидов на свободную самореализацию в обществе и государстве” (с. 179). Само же государство “обязано признавать, соблюдать и защищать права человека независимо от того, как конкретный человек выполняет обязанность быть законопослушным” (с. 184). Взаимообязывание в формате взаимоотношений личности и государства исключается. Если исходить из того, что либертарная теория восходит к философско-правовым идеям Вл. Соловьева, видевшего в праве “свободу, обусловленную равенством”, а также “исторически подвижное определение принудительного равновесия между двумя нравственными интересами: формально-нравственным интересом личной свободы и материально-нравственным интересом общего блага”⁵, то в так интерпретированной либертарной доктрине баланс явно смещен в пользу первого интереса. О несовпадении права и закона, феномене неправоваго закона, соотношении власти и права много размышлял И.А. Ильин, развивавший основные положения естественноправовой доктрины.

В статье В.В. Лапаевой “Либертарная концепция права В.С. Нерсисянца: научное своеобразие и практическое значение” обосновывается тезис о преодоленности в либертарной теории односторонности позитивистского (легистского) и юснатуралистического подходов правопонимания. Особое внимание автор статьи уделяет размежеванию либертарной и естественноправовой концепций права. Эти различия автору статьи видятся главным образом в том, что юснатуралистическому дуализму права и закона противопоставляется либертарная трактовка закона как правового явления, выражающего правовую сущность (принцип формального равенства). Отсюда напрашивается вывод о том, что любые формы социальной регуляции, даже облаченные в форму юридической нормы, не отвечающие принципу формального равенства в свободе, автоматически выбывают из ряда правовых явлений, т.е. замещаются своей противоположностью – произволом и насилием. В применении либертарной теории как универсального теоретико-методологического инструментария, пригодного для научного анализа любой проблемы правотворческой и правоприменительной практики (с. 219), автору статьи видится непреходящая практическая значимость этой теории.

Третий раздел материалов чтений посвящен проблемам интегральной юриспруденции. В этом, как выражается В.Г. Графский, *mainstream* современной юридической науки солидарность научного сообщества наименее ощутима. Шкала подходов колеблется от признания полного фиаско любого интегративного правопонимания (В.А. Четвернин) до умеренного скептицизма (И.Ю. Козлихин) и даже оптимизма (В.Г. Графский, И.Л. Честнов) в отношении самой возможности построения и перспектив интегральной

⁴ См.: Аверинцев С.С. Византизм и Русь: два типа духовности // Другой Рим. Избр. статьи. СПб., 2005. С. 315–365.

⁵ Соловьев В.С. Право и нравственность. Минск, 2001. С. 5.

юриспруденции. Версией интегрального правопонимания признается и либертарная концепция права В.С. Нерсесянца (статья В.В. Лазарева “В.С. Нерсесянец – представитель интегративной (синтетической) общей теории права”). Методологически путь интегральной юриспруденции представляется противоположным тому направлению в правоведении, которое сложилось в XX в. Энциклопедия права (так еще в конце XIX в. называлась кафедра, возглавляемая П.И. Новгородцевым, юридического факультета Императорского Московского университета) как общая наука о праве постепенно замещается философией права, теорией права, социологией права, историей правовых учений, юридической психологией. Принципиальная дихотомия юснатуральной и позитивной теорий права, разобщенность правоведческих дисциплин, многообразие аспектов и подходов к пониманию природы права характеризуют состояние современной теоретической юриспруденции. Дальнейшая дифференциация правоведения представляется лишь делом времени. В этом смысле замысел интегральной юриспруденции понятен, в отличие от возможности его теоретического обоснования и тем более реализации.

В рамках дискуссии о перспективах интегральной юриспруденции выделяется позиция А.В. Полякова (статья “Интегральная теория права: миф или реальность?”). Суть этой позиции, по нашему мнению, состоит в том, что вместо искусственных теорий, призванных интегрировать различные подходы и направления теоретической юриспруденции, основанных на каком-либо определенном принципе или ценности, требуется создание теории права, которая по своему содержанию носила бы интегральный характер и опиралась бы на конкретный онтологический фундамент. Такой теорией, по мнению А.В. Полякова, может быть теория правовой коммуникации. “Интегральность такого (коммуникативного. – М.Г.) видения права, – отмечает он, – заключается в том, что право в отличие от его внешних односторонних проявлений – правовых текстов, идеологических концептов, механистически понятых правовых отношений и субъективных психических эмоций – переносится в сферу интересубъективного смысла, возникающего в результате коммуникативного взаимодействия, которое объединяет эти односторонние правовые начала и связывает их воедино” (с. 240, 241). Коммуникативная теория права как конвенционального взаимодействия представляется одной из перспективных версий интегральной юриспруденции, стремящейся обрести прочный научный фундамент.

Характерной особенностью современных философско-правовых исследований и теоретических построений следует признать вовлеченность творческого наследия русской философской и политической мысли в обсуждение насущных проблем современной юриспруденции. Движущим элементом таких исследований, впрочем, по вполне понятным причинам нередко является чутко улавливаемый социальный заказ, общий идеологический и политический тренд. В этом смысле русская философско-правовая мысль нередко рассматривается как определенный идеологический ресурс, позволяющий обосновать предпочитаемую политическую позицию, будь то либеральная доктрина или идеология “нового консерватизма”. В этом смысле полноценная научная адаптация этого наследия, на долгие годы преданного забвению, для решения современных научных проблем юриспруденции представляется, как никогда, своевременной. То, что это наследие русской философско-правовой мысли имеет чрезвычайно большое значение для современной науки, говорит тот факт, что почти каждая статья рецензируемого издания содержит отсылки к работам русских правоведов и философов. К ним можно отнести имена П.И. Новгородцева, Б.П. Выше-славцева, И.А. Ильина, Н.Н. Алексеева, Е.В. Спекторского, С.И. Гессена, С.Л. Франка, С.Н. Булгакова, Н.А. Бердяева. Отдельным персоналиям философско-правовой мысли русского зарубежья посвящены специальные статьи сборника⁶. Некоторые из этих мыслителей прямо называются среди основателей современных философско-правовых доктрин. Так, например, в качестве предшественников интегральной юриспруденции называют А.С. Яценко, П.А. Сорокина, Г.Д. Гурвича. Все это говорит о том, что заявленная тема сборника “Философия права в России: история и современность” не только имеет символическое значение преодоления разрыва исторической традиции, но и непосредственно актуализируется в научном дискурсе и интеллектуальном пространстве современного правоведения.

Михаил Геннадьевич Галахтин, ведущий научный сотрудник Дома русского зарубежья им. А.И. Солженицына, канд. филос. наук, доц. (E-mail: m.galakhтин@gmail.com)

⁶ См.: *Исаев И.А.* Об аксиомах властного единства (Иван Ильин). С. 47–58; *Мамут Л.С.* “Государственное отщепенство” (Статьи П.Б. Струве в сборниках “Вехи”, “Из глубины”). С. 131–153 // *Философия права в России: история и современность* / Отв. ред. В.Г. Графский. М., 2009.